

Александр Пигин
Санкт-Петербург,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Тексты «народного православия» в дневнике мезенского старообрядца Г. Я. Ситникова

Интересными памятниками поздней рукописной книжности (XIX—XX вв.) являются крестьянские дневники. Очень разные по своим жанрово-стилистическим особенностям, они позволяют взглянуть на историю и культуру «изнутри», глазами тех людей, которые являлись носителями традиционных ценностей, но при этом по многим вопросам имели собственное мнение.

Известные сегодня дневники XIX—XX вв. имеют преимущественно севернорусское происхождение. В некоторых из них основное внимание уделяется событиям внешнего мира, деревенской или семейной жизни, реже — фактам общероссийской истории, в других дневниках ярко раскрывается внутренний мир автора, повествование приобретает исповедальный характер. Дневники содержат описание повседневных хозяйственных занятий и промыслов, включают тексты заговоров, пословиц, лирических песен, местных поверий и преданий.

Традиция ведения дневника существовала и в старообрядческой среде. Печорский старообрядец А. Ф. Бобрецов вел дневниковые записи о своей службе на императорской яхте «Полярная Звезда» на рубеже XIX—XX вв. Его земляк, старообрядец С. А. Носов (1902—1981), записывал свои видения, воспоминания о родственниках, различные пророчества и местные предания.

Большой интерес представляет дневник мезенского крестьянина-старообрядца Григория Яковлевича Ситникова, хранящийся в настоящее время в составе Мезенского собрания в Древлехранилище имени В. И. Малышева в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге (Мезенское собрание, № 151, 96 листов). Рукопись была найдена на Мезени (Архангельская область) во время экспедиции Пушкинского Дома в 1967 г. Записи в дневнике, как правило, начинаются с точного указания даты и хронологически укладываются в промежуток с 1891 по 1909 гг. Большинство из них относится к той области крестьянской культуры, которую исследователи определяют обычно как «народное православие»¹. В дневнике нет информации социально-экономического характера, фактов гражданской истории, хозяйственных рецептов, описания деревенского уклада. Автора в

¹ «Народное православие» — понятие достаточно дискуссионное в российской науке. Согласно определению сотрудников Института славяноведения РАН (Москва), «народное православие» (или «народное христианство») — «это условное название народной религии, в основе которой лежит синкретическое мировоззрение, сочетающее в себе элементы христианской канонической, апокрифической и фольклорной традиций» (О. В. Белова).

большей степени интересуют вопросы духовной жизни, он стремится отмечать проявления чудесного, божественного в повседневном, записывает чудеса местных святых, описывает свой личный визионерский опыт. При этом в дневнике упоминаются многочисленные названия мезенских деревень, десятки имен местных жителей, крестьян и священников. В дневнике очень ярко представлена религиозная жизнь Лешуконья (Средней Мезени) на Архангельском Севере на рубеже XIX—XX вв.

Из автобиографических заметок в дневнике выясняется, что Г. Я. Ситников родился в деревне Верхний Березник Ущельского прихода Мезенского уезда в 1859 г. Нищенское состояние семьи вынуждало его в детстве «кормиться Христовым именем»². Двенадцатилетним мальчиком он поступил «во служение» к какому-то чиновнику, который обучил его грамоте. В 1880 г. Ситников был отправлен на военную службу, но скоро вернулся домой и в 1883 г. женился, по настоянию родителей, на односельчанке Евдокии Павловне Мишиной. В 1886 г. он жил в Соловецком монастыре, исполняя родительский обет: «...родители мои дали обет; у меня у маленького, у годового, была трясучая болезнь, поэтому родители мои и дали обещание год жить, работать в Соловецком монастыре». В 1899 г. Ситников обратился в старообрядчество, в белокриницкое согласие³ и в 1901 г. был поставлен старообрядческим священником. В заключительной части дневника он пишет о своем тесном общении с уральским и оренбургским епископом белокриницкой иерархии Арсением (Швецовым) (1840—1908), о своих поездках к нему в Нижний Новгород и Уральск, а также о путешествиях с женой по святым местам, монастырям и пустыням.

Таким образом, Г. Я. Ситников начинал вести свой дневник, когда являлся еще прихожанином господствующей церкви, а заканчивал, перейдя в старообрядчество. В ходе рассмотрения дневника попытаемся, в том числе, ответить на вопрос, что послужило причиной обращения автора в старообрядчество.

Дополнительные сведения о Ситникове содержатся в архивных документах о деятельности старообрядцев на Мезени в начале XX в. (хранятся в Государственном архиве Архангельской области). Согласно этим материалам, после рукоположения во священника Ситников поселился в деревне Сёмженская, которая стала центром мезенских старообрядцев-поповцев. Здесь сперва в доме одного из местных жителей, а с 1908 г. в недавно построенном храме Ситников совершал богослужения. Наиболее позднее известное сегодня упоминание Ситникова содержится в переписи 1926 г., где он отмечен как житель деревни Верхнеберезницкая, по роду занятий — сапожник. Дату смерти Ситникова установить пока не удалось.

² Здесь и далее цитаты из дневника приводятся с исправлением ошибок, по правилам современного русского языка.

³ Белокриницкое согласие — старообрядческое согласие, приемлющее иерархию Древлеправославной Церкви Христовой, организованное в 1846 г. в селе Белая Криница на территории бывшей Австрийской империи.

Дневник Г. Я. Ситникова содержит уникальный материал, позволяющий проследить одно из направлений в развитии агиографической⁴ традиции в XIX—XX вв. На протяжении нескольких лет Ситников являлся по сути местным крестьянским агиографом: он вел запись чудес мезенского святого Иова Ущельского и почитаемого на Мезени неканонизированного угодника Иуды Конещельского. При этом автор явно ориентировался на каноническую форму посмертных чудес, которые обычно следуют в житиях за рассказом о смерти святого. Записи начинаются с точного указания даты, предельно фактографичны, события нередко излагаются от лица свидетелей этих чудесных происшествий. Около 20 записей посвящены Иову и примерно столько же — Иуде; иногда угодники действуют вместе.

Представлю эти материалы дневника более подробно.

Святой преподобномученик Иов Ущельский (XVII в.) — пострижник Соловецкого монастыря, основатель Ущельской, в честь Рождества Христова, пустыни на Мезени (у впадения р. Ежуги в р. Мезень). В 1628 г. он был убит разбойниками, пытавшимися ограбить монастырь. Братья похоронили тело своего учителя близ Христорождественского храма и устроили над ним гробницу. Местное почитание Иова установилось вскоре после его смерти. В середине XVII в. от его гроба начали происходить чудеса исцеления. Житие Иова Ущельского, содержащее очень скудные сведения о святом, известно сегодня всего в нескольких списках XVIII—XIX вв.

Содержание рассказов об Иове Ущельском в дневнике Ситникова достаточно традиционно для агиографии: святой исцеляет от болезней, наказывает за грехи и нарушение различных запретов, спасает в дороге путника, направляющегося на богомолье, оказывает помощь охотнику в лесу и т. п. В одной записи присутствует часто встречающийся в агиографии мотив «святой встает из своей гробницы»: псаломщик Иовской церкви (церкви Иова Многострадального) хотел поцеловать в гробу руку Иова, но в это время святой сел в гробнице, чем привел псаломщика в несказанный ужас. В целом же чудеса Иова лишены мистического начала, действие в этих рассказах происходит в повседневной будничной деревенской обстановке, а сам Иов является людям как обычный человек, «старичок». Иногда чудесные события происходят не наяву, а во сне.

В записях об Иове в дневнике Ситникова зафиксирован также широко распространенный на Русском Севере народный обычай давать обещание святому («класть заветы») о приношении в его часовню или церковь votивных предметов, нередко символически обозначающих больные или уже исцеленные части тела. Так, Ситников рассказывает, как однажды у него заболел палец. Во сне он увидел себя в Иовской церкви, Иов Ущельский повелевает ему подать серебряный наперсток, лежащий на церковном столике среди других предметов (серебряных «ручек», «ножек», «глазок»). Ситников выполняет это повеление, а после пробуждения приносит из дома в

⁴ Агиография — повествования о жизни и чудесах святых.

церковь Иова серебряный наперсток — точно такой же, какой он видел во сне.

По признанию Ситникова, к св. Иову он испытывал особое благоговейное чувство уже с детства: «...я ходил каждый праздник к заутрене в Ущелье к святому Иову, расстояние от деревни 3 версты. Я ходил не скучал». Если по каким-то причинам он не мог попасть на службу, то чувствовал, «будто чего-то не достает или чего-то будто бы потерял». В доме Ситниковых находилась икона с изображением Иова Ущельского, св. епископа Григория Неокесарийского (святого покровителя Г. Я. Ситникова) и св. преподобномученицы Евдокии (святой покровительницы его жены), а над ними, «выше всех святых написан нерукотворный образ Спасителя».

В конце XIX в. на Мезени имело место, судя по всему, усиление культа св. Иова, что также не могло не способствовать поддержанию благочестивого интереса Ситникова к его чудесам. В 1880-е гг. перестраивался архитектурный комплекс Ущельского прихода: в 1886 г. была возведена новая Христорождественская церковь; в 1889 г. — поновлена церковь Иова Многострадального (Иовская церковь). Какой-то частью прихожан, в их числе и Ситниковым, прилагались усилия к возрождению в Ущелье монашеской жизни: «очень мы жадны монастырем, все бы желали». Чудеса св. Иова, с надлежащим церковным освидетельствованием, записывались и представителями местного клира. Так, в памятную книгу Ущельской церкви, которую составлял приходской священник о. Федор Смирнов, были внесены три чуда св. Иова, произошедшие в конце 1880-х гг. В 1890-е гг. материалы для жизнеописания соловецких святых, в их числе и Иова Ущельского, собирал о. Никодим (Кононов) (1871—1919), уроженец Мезенского уезда, известный агиолог, впоследствии епископ Белгородский, священномученик. Ситников, по-видимому, был знаком с о. Никодимом и некоторые записи о чудесах св. Иова делал специально для него. В дневнике он рассказывает о своих безуспешных попытках отправить эти записи о. Никодиму по почте.

Важное событие в жизни Ущельского прихода произошло в 1888 г., когда во время ремонта Иовской церкви рабочие нашли в земле, под гробницей св. Иова, человеческие кости. Местные крестьяне подали прошение в Святейший синод о признании этих костей мощами Иова Ущельского и о переложении их в новую раку. Прошение подписали восемь человек, среди которых был и Ситников. Это дело рассматривалось Архангельской духовной консисторией в течение нескольких лет⁵. Прошение так и не было удовлетворено на том основании, что принадлежность костей св. Иову не была доказана. О тех же событиях 1888 г. повествуется и в дневнике Ситникова. Официальные рапорты и резолюции по этому делу представителей местного духовенства, с одной стороны, и крестьянский мемуарный источник, с другой, дополняют друг друга. В своем дневнике Ситников рассказывает, как он сам спускался к могиле и даже «похитил»

⁵ Материалы дела сохранились в Государственном архиве Архангельской области (фонд Архангельской духовной консистории).

частицу мощей святого. Если церковные власти в своем отрицательном решении по данному делу ссылаются на «Духовный регламент» 1721 г., запрещающий почитание «сомнительных мощей» без тщательного «розыску», то для Ситникова важным является сакральный прецедент. Обретение подлинных, в чем он нисколько не сомневается, мощей Иова Ущельского Ситников сравнивает с чудесным обретением головы Иоанна Предтечи, о котором он читал в Житии Матроны Цареградской. Разногласия Ситникова с местным духовенством по вопросу о найденных мощах послужили причиной его дальнейшего разочарования в деятельности официальной церкви.

Если Иову Ущельскому посвящено рукописное Житие, содержащее некоторые сведения о его жизни, то гораздо меньше исторических известий сохранилось об Иуде Конещельском, именуемом местными жителями Иудой (Юдой) Трофимовичем. В 1799—1800 гг. Мезенским уездным судом и Мезенским земским судом рассматривалось дело крестьян деревни Белощелье, которых обвиняли в «ложном разглашении» о святости Иуды⁶. По материалам дела, Иуда жил какое-то время в построенной им избе в лесу на реке Попьюге, где и умер. Его тело было найдено и похоронено белощельским крестьянином Яковом Мироновым Новиковым — произошло это задолго до судебного разбирательства, поскольку Я. М. Новиков умер в 1761 г. Позднее (точная дата в документах отсутствует) сын Я. М. Новикова Трофим вместе с пасынком Иуды Феклистом и крестьянином Иваном Софроновым захоронили на этом же месте павшую лошадь. Около 1792 г., получив у могилы Иуды исцеление, Трофим выстроил здесь часовню-амбар, к которой стали приходить богомольцы и класть деньги и вещи. По допросам крестьян Мезенский уездный суд установил, что Иуда был белощельским крестьянином-старообрядцем из рода Осташевых. После длительного рассмотрения дела суд вынес решение: «Наказать Трофима Новикова соразмерно преступлению <...> нещадно плетьюми в страх другим, при собрании мирских людей, чтобы неповадно было на будущее время так чинить прелести. Пасынка же Иуды Феклиста и крестьянина Ивана Софронова за соучастие с ним, Новиковым, тоже наказать обоим плетьюми». «Амбарчик» и «изба» Иуды были оставлены «запечатанными впредь до повеления».

Постепенно о происхождении Иуды Конещельского из среды местных крестьян-старообрядцев на Мезени прочно забыли. Если первоначально (во второй половине XVIII в.) Иуда почитался, по-видимому, старообрядцами, то во второй половине XIX в. его могила и часовня-амбар стали местом паломничества богомольцев из числа прихожан господствующей церкви. В начале XX в. крестьянин села Устьяшка Ф. Ф. Ляпушкин вознамерился построить над могилой Иуды Конещельского церковь во имя апостола Иуды, брата Господня, и создать здесь пустынь. Обращаясь в 1904 г. к епископу

⁶ Материалы этого дела также сохранились в Государственном архиве Архангельской области, в фондах указанных мезенских судов.

Архангельскому и Холмогорскому Иоанникию (Казанскому) с просьбой дать разрешение на строительство церкви, Ф. Ф. Ляпушкин сообщал владыке, ссылаясь на «сохранившееся предание», что Иуда был учеником Иова Ущельского, иноком Ущельского монастыря. После мученической смерти Иова в 1628 г. Иуда, стремясь к полному уединению, якобы ушел вверх по реке Мезени и поселился на речке Попьюге, где пребывал до конца своих дней в молитвенных трудах. Таким образом, время жизни Иуды было перенесено в этом «предании» на 100—150 лет в прошлое (по сравнению с документами мезенских судов), а сам подвижник из старообрядца превратился в православного монаха, жившего до церковных реформ патриарха Никона. Примечательно, что Ситников, вероятно, не доверял этой версии, поскольку о связи Иуды с Ущельским монастырем в своем дневнике он ничего не пишет: «В Конещельской деревне старожилы говорят, что этот Иуда — уроженец Пинежского уезда⁷, а из деревни неизвестно. А по отчеству называли Иуду Трофимовицем, поэтому, должно быть, отца у Иуды звали Трофимом, а мать неизвестно как звали».

Иуда Конещельский так и не был канонизирован, а его культ оставался исключительно в сфере крестьянской внецерковной религиозности («народного православия»). Днем почитания Иуды являлось 19 июня — день памяти апостола Иуды, брата Господня, хотя к Иудиною часовне-амбару приходили в течение всего июня. Как отмечает Г. Я. Ситников, в 1898 г., с 15 по 29 июня, «было народу богомольцев у Иуды Трофимовица двести один человек».

Чудеса Иуды Конещельского, записанные Г. Я. Ситниковым, свидетельствуют о том, что в конце XIX в. этот угодник воспринимался прежде всего как покровитель животных. Жители Лешуконья обращались к Иуде в случае пропажи или болезни скота, принимали обет поставить свечу над его могилой, испечь «коровашки» (маленькие хлебцы) для нищих и «помянуть» Иуду, принести в его часовню платок, изображение потерявшегося животного и т. п.

Вот характерный пример из дневника Ситникова: «В 1898 году весной было чудо Иуды. Мезенского уезда, Верхнеберезницкой деревни некая женщина Анна Яковлева Герасимова потеряла овцу, и много время искала, и нигде не могла найти овцу. Потом стала обещаться Иуде Трофимовицу: если у неё найдется овца, то “я буду печь коровашки и подавать Христа ради и помянуть Иуду Трофимовица”. Потом у этой Анны Герасимовой на следующий день овца домой под окошко пришла. Тут эта Анна обрадовалась и прославила Господа Бога и также и угодника Иуду Трофимовица».

В одном из чудес Иуда предупреждает крестьянку, что в ее хозяйстве падеж скота («ускотье») происходит из-за непочтительного отношения к праздникам: «...вы праздники не почитаете, не чтите, вы в праздники работаете <...>, потому у вас и падают частые ускотья». Несоблюдение

⁷ Пинежский уезд тоже находился в Архангельской области, к юго-западу от Мезенского уезда, название получил по реке Пинеге.

постных и праздничных дней — тяжкий грех, осуждаемый и в духовных стихах:

Поимейте вы три дня в неделю —
 Среду и пятницу, Воскресение Христово <...>.
 Если который человек
 В Воскресение Христово работает,
 Нет тому человеку
 В житье прибытку,
 Ни жеребью-таланту...
 (из духовного стиха «Свиток иерусалимский»)

Пропажа скота и его поиски — очень типичная для крестьянской жизни ситуация. На Русском Севере широкое распространение получили верования в способность пастухов заключать договор с лешим⁸ и пасти стадо, не следя за ним, а используя колдовское знание (обряд назывался «отпуск», «обход», «сгон», «слука»). Был разработан богатый набор приемов и для возвращения заблудившегося скота — от прочесывания леса до написания «кабалы» лешему. Использование магических средств не отменяло обращения с просьбами о возвращении скота к местнотимым святым и чудотворным иконам. Функция «скотьего помощника» принадлежит на Севере и некоторым другим святым: например, Макарию Желтоводскому, почитавшемуся в Каргополье в Хергозерской пустыни, и каргопольскому чудотворцу Пахомию Кенскому. Севернорусские рукописные сказания (XVII—XVIII вв.) об этих святах также включают рассказы о пропаже и исцелении животных. Почитание Иуды Конещельского как помощника при пропаже скота сложилось, вероятно, еще в XVIII в.: напомним, что, согласно следственным материалам XVIII в., местные крестьяне похоронили рядом с могилой Иуды умершую лошадь.

Старообрядческое происхождение Иуды, как я уже отмечал ранее, было постепенно забыто. Однако дневник Ситникова все же сохранил некоторые старообрядческие приметы в его почитании. В одном из чудес, записанных Ситниковым, Иуда просит у хозяйки теплой воды, чтобы вылечить с ее помощью больного быка. Хозяйка спешит согреть самовар, однако Иуда останавливает ее: «Нельзя из самовару. Самовар — пустодом». Слово «пустодом» в народных говорах Русского Севера имеет негативные коннотации: так могли назвать легкомысленного, пустого человека, плохого домохозяина, а также и сам самовар. Неприятие самовара (одновременно и чаепития) как новшества, появившегося в русском быту только в XVIII в., характерно именно для старообрядцев. В старообрядческих сочинениях XVIII—XX вв. самовар именуется «медным змеем», «сатанинским жертвенником», «адской утробой».

⁸ Леший — персонаж низшей мифологии, дух-хозяин леса.

Культ Иуды Конещельского находился по сути на меже крестьянской магии и церковного благочестия. Не случайно весьма противоречивым было и отношение местного духовенства к народному почитанию Иуды. Так, Ситников рассказывает о попытках священника из деревни Койнас о. Евграфа Калининкова разрушить часовню Иуды, «чтобы не ходили больше люди по обещанию к Юде». Отец Евграф получил от «духовных властей» разрешение на ликвидацию часовни. Но когда его помощники приступили к этому делу, Евграф ослеп и был прощен и исцелился только после того, как дал обет больше не разорять Юдину часовню. Вместе с тем среди лиц, обращавшихся за помощью к Иуде в связи с пропажей животных, Ситников называет и местного священника о. Алексея: «Отец Алексей спустил овец на волю. Потом эти овцы у отца Алексея потерялись. Потом этот священник отец Алексей стал обещаться Иуде Трофимовицу: “Если у меня найдутся овцы, то я непременно съезжу к Иуде и сослужу панихиду Иуде Трофимовицу”. Потом у этого священника отца Алексея нашлись овцы, сами пришли домой. Этот отец Алексей обещание исполнил: съездил к Иуде, сослужил панихиду Иуде и прославил Господа Бога и также и угодника».

Только в начале XX в. православная церковь решила придать культу Иуды официальный статус. В 1914 г. на средства упомянутого уже Ф. Ф. Ляпушкина здесь была построена церковь в честь апостола Иуды и открыта Иудина пустынь, ставшая филиалом женского Ущельского монастыря. Однако революция 1917 г. и начавшаяся после нее антицерковная кампания сделали век этой пустыни недолгим. Впрочем, Иуда Конещельский почитается на Мезени до сих пор. В Иудину пустынь по-прежнему приходят молиться и просить о помощи, оставляют в часовне обетные приношения: одежды и полотенца, свечи, монеты, тетрадки с разными пожеланиями. Вблизи села Вожгора, около 80 км от Юдиной пустыни, на поросшем лесом возвышении, имеется еще один ритуальный объект, связанный с именем Иуды Конещельского — поклонный крест в честь Иуды, к которому также ходят местные жители с различными просьбами. Но анализ современного почитания Иуды не входит в задачу этого доклада.

Представленные в дневнике Ситникова формы народного культа Иова и Иуды в целом соответствуют практике почитания святых и святынь крестьянами на других территориях России⁹. Ценность данного материала в том, что эта практика оказалась запечатлена самим носителем этой традиции и в те времена, когда она еще не находилась в стадии угасания.

Вернемся к вопросу, который был поставлен в начале доклада: почему же Г.Я. Ситников отошел от официальной церкви и перешел в старообрядчество? Со старообрядческой службой Ситников познакомился, как он сообщает в дневнике, в 1899 г. Вскоре он получил исцеление от

⁹ См. исследования в области русской крестьянской религиозности и народного почитания святых и святынь: Панченко А. А. 1) Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998; 2) Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности. «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М., 2012; Мороз А. Б. Святые Русского Севера. Народная агеография. М., 2009.

мощей Иова — старообрядческого епископа кавказского и донского, умершего в 1872 г. (Примечательно совпадение имени этого старообрядческого деятеля с именем Иова Ущельского!). Но от какой болезни исцелился Ситников и при каких обстоятельствах, он не уточняет. Тогда же, вероятно, состоялось и знакомство Ситникова с Арсением (Швецовым), уральским и оренбургским епископом белокрыницкой иерархии, который рукоположил Ситникова во священника в 1901 г. Все эти факты, однако, не объясняют причины тех перемен, которые произошли в религиозном мировоззрении автора дневника.

На обороте 74-го листа своего дневника Ситников написал: «Неприменно нужно придерживаться старых обрядов, а не после Никона 1666 года новых обрядов — нужно их отвращаться». Но причина, скорее всего, заключается вовсе не в обрядах. Дневник Ситникова убеждает в том, что из года в год у его автора росло недовольство деятельностью представителей официальной церкви — прежде всего, конечно, местного мезенского и архангельского духовенства. Как я уже отметил выше, Ситников испытал большое разочарование после того, как Архангельская духовная консистория отказалась признать найденные под Иовской церковью человеческие останки мощами Иова Ущельского. Собираение Ситниковым сведений о чудесах Иова Ущельского и Иуды Конещельского встречало недовольство со стороны священника Иовской церкви Федора Смирнова. По свидетельству Ситникова, мезенское духовенство всячески сопротивлялось и возрождению Ущельского монастыря, закрытого в ходе секуляризационной реформы 1764 г. На страницах дневника он приводит слова одного из представителей местного клира: «Об святом преподобномученике Иове, об Ущельском монастыре, хочешь сделать монастырь? Нет, не сделать вам монастыря, не будет в Ущелье!». Скорее всего, Ситников надеялся также, что церковь признает культ Иуды Конещельского и придаст официальный статус Иудиной пустыни, где находилась его могила. В одной из записей своего дневника он рассказывает о том, как пытался откопать гроб с мощами Иуды в его часовне: «А у меня был с собою посох, т. е. батожок. Я этим посохом начал щупать, тыкать напротив дверей в землю. И потом я нащупал напротив дверей <...> должно быть, гроб <...>. Потом я осмелился и вырыл ямку над серединой гроба. И действительно, я так располагаю, что тут гроб с мощами угодника Иуды Трофимовица». Так, судя по всему, смутно выражалась надежда Ситникова на будущее обретение мощей и церковное прославление этого угодника.

Патриот своей «малой родины», неутомимый собиратель сведений о чудесах местных святых, крестьянский агиограф и «краевед», Ситников постоянно сталкивался, как ему казалось, с равнодушием и противодействием со стороны местного духовенства. По-видимому, именно это и стало главной причиной его разрыва с официальной церковью. Смог ли этот энергичный и глубоко верующий человек реализовать себя в старообрядчестве? На этот вопрос ответить сложнее. Записи

старобрядческого периода содержат горестные размышления Ситникова о трудностях в исполнении возложенного на него священнического служения. Одна из последних записей в дневнике заканчивается такими словами: «И думаю я своим умом, что какой я священник! Читать бойко не могу книг незнакомых. И даже так случается, что и проливаю слезы пред Господом Богом и думаю: почто меня Господь привел, такого малограмотного, на такую степень священствовать? И думаю я: мне будет на будущем тяжелый ответ по моей малограмотности».

Неудачи Ситникова в попытках прославления мезенских Божьих угодников можно было бы объяснить отчасти его невысоким социальным статусом. Однако в XIX в. подобные инициативы отвергались зачастую даже в тех случаях, когда исходили от представителей самой церкви. Приведу всего два примера. В 1824 г. игумен Александр-Ошевенского монастыря (Олонецкая епархия) Иосиф обратился к митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Серафиму (Глаголевскому) с прошением внести имя преподобного Александра Ошевенского (святой XV в.) в церковные месяцесловы, а также напечатать его житие и службу. Митрополит распорядился рассмотреть этот вопрос, выбрать для печати сами тексты жития и службы. Результатом этого распоряжения стало то, что в 1820-е—1830-е гг. опытные церковные писатели (два архимандрита и один архиепископ) составили новые редакции жития, похвальные слова в честь святого, пересмотрели и отредактировали текст его службы. Однако дело ничем не закончилось: несмотря на ходатайства олонецкого архиепископа Игнатия (Семенова), имя св. Александра внесено в печатные месяцесловы не было, а житие со службой так и не были напечатаны. Это решение принималось комиссией Святейшего синода, которая мотивировала отказ отсутствием сведений об общероссийском прославлении Александра Ошевенского. История повторилась спустя полвека с прославлением другого севернорусского святого — Диодора Юрьегорского (святой XVII в.). В 1880-е гг. приходской священник Юрьегорского прихода (Архангельская епархия) П. Р. Пятницкий записывал посмертные чудеса святого Диодора. В 1887 г. он обратился к архангельскому архиепископу Нафанаилу (Соборову) с прошением о напечатании рукописной книги «Служба и Житие Диодора Юрьегорского». По мнению Пятницкого, эта книга способствовала бы «распространению святой досточтимой памяти» св. Диодора в народе. Архангельская духовная консистория рассматривала это прошение в течение 10 лет и в 1896 г. приняла решение отказать юрьегорскому священнику, поскольку св. Диодор имел только местное почитание. Лишь в начале XX в. церковь смягчила свою позицию в решении подобных вопросов — благодаря, прежде всего, личному благочестию последнего российского императора Николая II. Только в этот период смогли воплотиться и мечты Ситникова: в 1908 г. был возрожден Ущельский монастырь, а в 1914 г. была открыта Иудина пустынь.

Представленными в докладе записями содержание дневника Г. Я. Ситникова не исчерпывается. Автору являлись в «тонком сне» и некие безымянные святые, а также св. Матрона Цареградская и св. Феодосий Угличский и Черниговский. Во время пребывания в Сёмженских кельях (на реке Сёмже, правом притоке Мезени), где находилась местная почитаемая икона Казанской Божией Матери, он увидел во сне саму Богородицу. Ситников рассказывает о своем общении с бесом, поселившимся в голове бесноватой женщины, и с неким соловецким юродивым, явившимся ему во сне. Некоторые свои сновидения он переписывает дважды, дополняя второй вариант новыми деталями и толкованиями. Сон и явь порой причудливо совмещаются в его сознании. Так, рассказав о своем рукоположении во священника, Ситников вдруг заявляет: «Хотя я и был поставлен во священники, но еще ничему я не научен. <...> Должно быть, мне это привиделось во сне к утверждению».

Отсутствие четких границ между миром реальным и трансцендентным, «тонкое» духовное зрение рассказчика и его глубокая вера в неизменное участие сакральных сил в его собственной жизни и жизни его земляков — таковы отличительные особенности этого интересного крестьянского дневника.